

В.С.Быстрова

ОБРАЗ «ГАЛАНТНОЙ ДАМЫ» В ИЗОБРАЖЕНИИ ПЬЕРА ДЕ БУРДЕЯ, АББАТА ДЕ БРАНТОМА

В статье представлен анализ сочинений французского автора и придворного XVI в. Пьера де Бурдея, аббата де Брантома, реконструируется «ментальное состояние» высшего французского общества второй половины XVI в., на примере образа «галантной дамы». Кратко затрагивается происхождение термина «галантность». Освещаются этические представления Брантома о благородных женщинах и личный взгляд автора на социально-политическую сущность придворной жизни. Выделяются особенности социального положения женщины в эпоху Ренессанса, когда во Франции начался процесс феминизации королевского двора. Благородные дамы получают больше привилегий и возможность принимать участие в политической жизни государства. Отмечается, что под влиянием неоплатонизма появляется новый образ мышления и возникает феномен галантной любви, распространившийся в среде придворных.

Ключевые слова: история женщин, гендерная история, французский королевский двор, Франция XVI в., Пьер Брантом, галантные дамы

Реконструируя образы французских женщин эпохи Ренессанса, невозможно не обратиться к одному из основных источников, отражающих женскую историю королевского двора Франции — «Жизнеописания знаменитых женщин» [1] и «Галантные дамы» [2] Пьера де Бурдея, аббата де Брантома (1540—1614). В современной отечественной медиевистике труды Брантома активно использовались В.В.Шишкиным [3] и В.Р.Новоселовым [4], однако не подвергались специальному анализу.

В историографии сложилась традиция относить сочинения Брантома к мемуарной литературе. Он не был официальным хронистом французского королевского двора, что делает его труд ценным источником, не подверженным политическому давлению со стороны короны. Цель написания этих мемуаров — дань эпохе и прославление придворной жизни, так как для Брантома двор был средоточием всей Франции.

Часть воспоминаний автора отведена биографиям высокопоставленных женщин и описанию нравов благородных дам. До этого почти беспрецедентным случаем был сборник XIV в. итальянского гуманиста Дж. Боккаччо «О знаменитых женщинах» [5]. Подобная тенденция обуславливалась тем, что средневековая гендерная коммуникативная компетенция для женщины ограничивалась типичными ролями. Благородная дама, несмотря на свой статус, была заложницей существовавших в обществе представлений, сложившихся в Средневековье в условиях андроцентрической культуры. В церковных и светских произведениях использовались противоположные по своей оценочной нагрузке женские библейские образы. К числу таких персоналий можно отнести Еву (символ грехопадения), Деву Марию (чистота, непорочность) и Юдифь (противоречивый образ — обольстительница и спаситель Иерусалима в одном лице) [6, с. 43-44]. Все они формировали основу гендерно стереотипического мышления и неоднозначного отношения к природе женщины и возможности быть субъектом политических отношений.

Женщина часто ассоциировалась с социальными статусами внутри ее жизненного цикла: образы дочери, девы, матери семейства (матроны), вдовы. Фактически все образы подчинялись идеям чистоты, рождения и брака. В дидактической литературе подчеркивались добродетели дамы: стыдливость, умеренность, благоразумие, целомудрие, робость, послушание, честь, смирение и др. [7, с. 34]. Основным компонентом образа являлась христианская традиция, рассматривавшая женщин как зависящих от мужчины людей. Были случаи символического превращения женщины в мужчину через использование в письменных источниках термина “virago”, который в средневековой историографии являлся образом легитимации власти женщин [8, с. 16-35]. Некоторые исследователи говорят даже о наличии парадигмы средневекового антифеминизма и позитивном аксиологическом акценте на мужчине [9, с. 128-138].

В эпоху Ренессанса происходят некоторые изменения. Прежде всего, стоит отметить феномен феминизации французского королевского двора. Во второй половине XV в. двор все еще оставался местом мужского самоутверждения, где не наблюдалось массового появления дам [10, р. 22]. Честь пригласить женщин на постоянное жительство ко французскому двору Брантом приписывает Анне Бретонской (1476—1514), дважды королеве Франции, которая создала Дом королевы и должность фрейлин (фр. *demoiselles d'honneur*), тем самым превратив благородных дам в профессиональных придворных, получающих ежегодное жалование за свою службу [11, р. 706]. По словам Брантома, Анна впервые создала «великий» дамский двор, «который существует до нашего времени». Довольно часто королева узнавала у своих дворян, есть ли у них дочери, и если таковые имелись, то призывала их ко двору. Так была приглашена и тетка Брантома Анна де Бурдей [1, р. 8].

Двор Анны Бретонской стал «прекрасной школой» для женщин [1, р. 9]. Королева одевала их в самые изысканные наряды, обеспечивала их быт и столование, искала для них супругов, снабжая приданым к свадьбе. На личность самой Анны Бретонской оказала значительное влияние фигура сестры короля Карла VIII, Анны Французской, мадам де Боже (1461—1522), которая заботилась о том, чтобы принцессы и знатные девушки получали достойное образование и этическую подготовку для реализации службы королевскому дому.

В наставлениях своей дочери Сюзанне де Бурбон, Анна де Боже описала как необходимо вести себя женщине при дворе: «Глаза и язык полностью подчинены целомудрию женщины. [...] всегда используйте эти две вещи взвешенно и боязно; надо уметь говорить и смотреть, но никогда не будьте ни первой, ни последней из говорящих; не сообщайте новости, по крайней мере, которые неприятны или для кого-либо вредны. Будьте столь же медлительными и холодными во всех своих ответах» [12, р. 44-45]. Таким образом, для женской политической эффективности был необходим внешний вид невозмутимости, и за смирением благоразумная женщина должна была уметь скрывать свой острый ум.

Говоря о проявлениях новых паттернов поведения женского придворного этикета, нельзя не упомянуть об участии высокопоставленных дам в дипломатических церемониях. В своих письмах посол и будущий герцог Мантуи Федерико Гонзага, присутствовавший при дворе Франции в самом начале правления Франциска I (1515), не скрывал своего восхищения красотой одежд четырнадцати дам, присутствовавших на одном из ежедневных приемов [13, р. 198-199]. Пышность дамского двора смешивалась с политическими соображениями, играя большую роль в поддержании хороших дипломатических отношений. Федерико Гонзага с глубоким удовлетворением отмечал отличный прием, оказанный ему, и, как и многие другие послы, покороен и соблазнен этими дамами, о которых постоянно говорил [13, р. 293, 304, 322].

Екатерина Медичи, жена, а потом и вдова Генриха II, регентша Франции в 1560-е гг., также активно использовала незамужних девушек для решения многих дипломатических задач, в том числе посреднического и шпионского характера [14, с. 443-444]. Как отмечал Брантом, двор этой королевы-матери был «настоящим раем», «школой вежливости и благородства», где иностранцам оказывался радушный прием. По прибытии ко двору послов и дипломатов, Екатерина Медичи приказывала своим дамам хорошо принарядиться, чтобы выглядеть «словно богини». При этом им указывалось вести себя сдержанно, в противном случае дамы могли получить выговор [1, р. 80]. Дамский двор королевы-матери становился местом встреч, в которых женщины, благодаря «магии разговора», появлялись как «силы мира» [15, р. 109], шагая в противовес воинственным мужчинам по женскому пути миротворца. Двор королевы должен был стать воплощением образа «Града женского», где будут жить только прекрасные и благоразумные дамы.

Так, в связи с возникновением непосредственно дамского двора и официальной придворной службы, Брантом наделяет женщину новым качеством — галантностью (фр. “galante”), понятием, ранее применимым в основном только по отношению к мужчине. Галантная культура значительно расширяла средневековую куртуазность, добавляя эротическую и телесную гедонистическую составляющую. Близкое по этимологии галантности слово существовало в старом галльском языке — “galer” — «веселить, доставлять удовольствие». В дальнейшем к нему добавилась частичка из франкского слова “wala” (bien) — «благо». Вполне возможно, что собственно эта семиотическая конструкция перешла во французский язык в форме “gallant” — «галантный, учтивый».

С течением времени семиотика слова в текстах менялась. Впервые употребление этой лингвистической единицы зафиксировано еще в письменных источниках XIV в. Галантность в них этимологически близка к словам подвижность, непоседливость (“vif”, “alerte”). В XV в. “gallant” уже обозначало предприимчивого мужчину, окруженного женщинами, или же храбреца [16, р. 33, 80, 122]. В XVI в. французский поэт Жоашен дю Белле писал, если дворянин хочет жить при дворе, необходимо быть галантным человеком (“galland home”) [17, р. 93]. Здесь подразумевается обязательное благородное, вежливое и обходительное поведение, равно как изысканные манеры.

Таким образом, к периоду литературной деятельности Брантома, «галантность» прочно вошла в обиход придворного этикета. Противоположно средневековой куртуазности, ренессансная галантность не предписывала благородному мужчине, в отличие от рыцаря, совершать во имя любви прекрасной дамы подвиги. Как отмечал Брантом, отношения между придворными не обязательно должны быть известны людям. Напротив, зачастую благородной женщине и ее поклоннику было невыгодно афишировать свои связи [2, с. 288]. Куда «правильнее» было изыскано ухаживать, флиртовать с понравившейся дамой, оказывать ей знаки внимания. Это было хорошим тоном для кавалера и позволяло гармонично комбинировать строго выдержанный этикет и нерегламентированное интимное поведение.

Что же Брантом имел в виду под галантностью для женщин? Ответ кроется в трансформациях социального статуса придворной дамы. Теперь знатные женщины, будучи подле тела королевы, не только укрепляли позиции своей семьи в плане почета и престижа, но и приобщались к социальному превосходству. Придворные дамы Дома королевы могли обедать со своей госпожой, сопровождать ее в экипаже, и даже ночевать в королевской спальне [18, с. 174]. Король также мог посещать фрейлин, угощать их изысканными блюдами, оставшимися после его трапезы и дарить им подарки [2, с. 273]. Придворные дамы не только освобождались от тали, самого разорительного поземельного налога, но также по Эдикту Генриха III от 1583 г. получали исключительное право носить украшения с драгоценными камнями [18, с. 174]. Брантом отмечал, что для фамильного благосостояния положение дам при дворе ценилось не меньше, чем должности их мужей. В зависимости от статуса в дворцовой иерархии, фрейлины могли получать от 200 до 400 турецких ливров в год [3, с. 181], что было сопоставимо с жалованием мужского персонала. Таким образом, женщина могла даже содержать свою семью.

Занимая важные посты при дворе и имея некоторую финансовую независимость, благородная дама XVI в. получала больше привилегий, чем раньше, и, следовательно, некую свободу выбора. При этом устоявшиеся

нормы все еще влияли на жизнь девушки. Знатная дама не могла выйти замуж вне пределов своей социальной группы. Экономические соображения также являлись ключевым фактором при выборе брачного партнера [19, с. 39, 41]. Таким образом, многие браки не затрагивали эмоционально-чувственный аспект женского бытия. Сказывался также и тот факт, что девушка была зачастую значительно моложе своего супруга. Именно по этим причинам в XVI в. распространение получает феномен «галантной любви».

Двор стал местом, где почти каждая благородная дама, имеющая определенные таланты, могла проявить свои умения и войти в чью-либо клиентулу [2, с. 63]. Также и придворные мужчины могли искать дружбы с высокопоставленными женщинами, выказывающими им свое расположение [2, с. 60]. Так галантная любовь и дружба при дворе очень часто становились одним и тем же понятием. Некоторым придворным иногда приходилось на длительное время разделять любовь своих жен с королем, принцами крови или королевскими фаворитами. «Знавал я [...] дам, состоявших под особым покровительством королей и знатных вельмож и открыто сим похвалявшихся» [2, с. 29]. Этот пример довольно ярко отражает значимость института фаворитизма. Дворяне, безусловно, знали о подобных прецедентах и порой некоторые из них даже пытались строить на этом свой брак. «Великое множество эдаких мужей кружит подле королей и принцев в ожидании денег, титулов и прочих благ; [...] вдруг поднимаются на вершину славы и богатства [...], и видят в том отнюдь не оскорбление, но, напротив, славу и почет» [2, с. 71]. В таких ситуациях «права» невесты могли открыто заноситься в брачный контракт, чтобы в дальнейшем предотвратить всякого рода недоразумения. Брантом упоминал об одной благородной даме, которая, заключая свой брак, получила у супруга особую привилегию свободно предаваться при дворе галантной любви и для утешения обязалась выплачивать мужу «ежемесячно по тысяче франков на мелкие развлечения, что аккуратно и выполняла» [2, с. 95].

Вместе с тем, вне покровительства высокопоставленного лица, адюльтер мог караться со стороны мужа вплоть до смертельного исхода, как и для дамы, так и для ее кавалера [2, с. 31]. Однако если о связях благородной дамы начинало говорить придворное общество, чтобы сохранить честь, Брантом советовал ее мужу отстраняться от слухов и «осторожно увести разговор в сторону, а лучше попытаться вспомнить о чем-нибудь ином, чтобы отвлечь от прежнего» [2, с. 272].

Галантная любовь изменила и ряд моральных ориентиров. Некоторые придворные верили, что любовные увлечения, которые не стали предметом огласки не являются изменой. Подобные интриги были «Секретом Полишинеля» — все об этом знали, но не говорили. В тоже время Брантом восхищался бесстрашием женщин, которые идя на такой риск подвергались опасностям, «куда большим, нежели какой-нибудь солдат в бою» [2, с. 22]. Даже связанная брачными узами и обязательствами перед короной и четко зная границы недозволенного, женщина, пусть и неофициально, но все же имела право проявлять собственную независимость от диктуемых обществом правил посредством индивидуального выбора партнера для галантной любви.

Галантная любовь, также как и куртуазная для мужчин, служила психологической отдушиной для благородных женщин, и была своего рода бегством от устоявшихся веками патриархальных правил, которые окутывали и проявлялись в каждодневных придворных ритуалах. Проявление галантности, коей зачастую была лишена замужняя женщина, не было синонимом «порока». Важным представляется и тот фактор, что, в отличие от куртуазной культуры, где главным персонажем почти всегда выступал герой мужского пола, в проявлении галантности Брантом отводит равное положение как женщине, так и мужчине.

Таким образом, при дворе XVI в. сложилась галантная культура, которая была выгодна королевской власти. Особое служение во имя короля или его супруги, на благо тех или иных высокопоставленных лиц при дворе, или же для блага самого государства нельзя было назвать постыдным. Также в условиях развернувшихся во Франции Религиозных войн 1559—1598 гг., придворных интриг и заговоров, двойная жизнь и придворная игра стали своеобразными маркерами эпохи XVI в.

Реформация предоставила человеку возможность выбирать, поставила ряд сложных вопросов морального толка, тесно связанных с религией. Также благодаря Возрождению постепенно на передний план стали выходить предтечи христианских текстов. Под влиянием античных философов у автора сформировалось понятие о совершенной морали. Брантом-гуманист сумел четко разграничить категории «религии» и «добродетели». Последняя может существовать без показного морализаторства и вне религиозного контекста, как у большинства доблестных философов прошлого. Будучи аббатом, хоть и номинально (Пьер де Бурдей никогда не исполнял церковных обязанностей — это была лишь синекура), Брантом ассоциировал земную жизнь человека с пребыванием в некоем божественном гарнизоне, откуда он добывает отпуск по волеизъявлению своего духовного командующего — Господа Бога.

Брантом делал акцент на эмоционально-чувственном аспекте паттернов поведения галантных дам. Автор начинал свои изыскания с рассуждения о прикосновениях, позиционируя это как «наисладчайшее» выражение любви, пик которой — обладание, не осуществимое без прикосновения [2, с. 141]. Особое внимание уделялось телесности. Для Брантома была важна каждая часть тела женщины, ее цвет, форма и размер. Все подводилось под определенные стандарты красоты [2, с. 153]. Тем самым, автор следует эмпирической трактовке чувственности, и в данной коннотации прикосновение видится Брантому чем-то сакральным и возвышенным.

Автор также отмечал слух и красноречие, говоря о том, что если дама в кого-то влюбится и захочет добиться взаимности, то она сразу же использует весь свой шарм и превратится в искуснейшего оратора. Брантом уверял, что красноречие — не последнее дело в любви, говоря, что женские речи способны «сокрушить и небеса, и землю» [2, с. 149]. Рассуждая о зрении, автор считал, что первыми в любовную схватку

вступают именно глаза. Скрытое женское тело больше всего будоражит воображение мужчины [2, с. 151]. Глаза оценивают партнера, а зачастую — достраивают его образ так, как этого желает смотрящий. Искусство наблюдать за окружающими играло огромную роль в придворной жизни.

Таким образом, для Брантома «галантная дама» — это благородная женщина, которая, прежде всего, хороша собой, принимает ухаживания кавалеров, флиртует и поддерживает сложившийся придворный этикет, но также обладает «хорошей репутацией», т.е. достаточно ловкая, чтобы успешно скрывать свои связи и от мужа, равно как от всего придворного общества. Главным критерием «галантности» для благородной женщины было сохранение репутации «прекрасной и достойной дамы».

Эпоха Возрождения окончательно закрепила за благородными женщинами права на самовыражение и принятие личных решений. Ренессансный неоплатонизм реабилитировал женскую телесную красоту, которая перестала быть опасной и превратилась в необходимый атрибут высокого социального статуса. Отношения между мужчинами и женщинами в XVI в. носили галантный характер, и, благодаря двойной игре между моралью и личной свободой, любовь получила такой же мифический оттенок, как и идеалы физической красоты. Придворные галантные дамы описываются почти как равные мужчинам в своем статусе и привилегиях, что было необычным явлением, так как маскулинность все еще превалировала, несмотря на явную тенденцию к феминизации двора. Однако, думается, что еще ни в одну эпоху в истории Франции влияние женщины не было столь велико как во второй половине XVI в. Таким образом, можно говорить о феминистическом повороте эпохи французского Ренессанса.

1. Brantôme. Vies des dames illustres, françaises et étrangères (Nouvelle édition avec une introduction et des notes) / éd. L.Moland. Paris, 1868. 512 p.
2. Брантом. Галантные дамы. М., 1998. 463 с.
3. Шишкин В.В. Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб., 2018. 544 с.
4. Новоселов В.Р. Дуэль во Франции XVI—XVII веков. // Средние века. 2001. Вып. 62. С. 146-165.
5. Boccaccio G. Famous Women. London, 2003. 324 p.
6. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. М., 2002. 352 с.
7. Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. 212 с.
8. Тогоева О.И. Женщина у власти в Средние века и Новое время (О понятии “virago”) // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 16-35.
9. Можейко М.А. Женщина глазами средневековой культуры: антифеминизм как фобия // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 128-138.
10. Solnon J.-F. La cour de France. Paris, 1987. 649 p.
11. Etat de la maison de la reine Anne de Bretagne // Godefroy D. Histoire de Charles VIII. Paris, 1684. 759 p.
12. Anne de France. Les Enseignements d'Anne de France, duchesse de Bourbonnais et d'Auvergne, à sa fille Susanne de Bourbon. éd. par A.-M. Chazaud. Moulins, 1878. XXXIX, 338 p.
13. Tamalio R. Federico Gonzaga alla Corte di Francesco I, di Francia nel carteggio privato con Mantova, 1515—1517. Paris, 1994. 447 p.
14. Клудас И. Екатерина Медичи. М., 1997. 704 с.
15. Crouzet D. Le haut coeur de Catherine de Médicis. Paris, 2005. 640 p.
16. Chansons du XVe siècle. Paris, 1875. XXIII, 176, 78 p.
17. Du Bellay J. Les Regrets. Paris, 1876. 18, XII, 131 p.
18. Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI—XVII веках. СПб., 2004. 285 с.
19. История женщин на Западе. Т. III. СПб., 2009. 560 с.

References

1. Brantôme. Vies des dames illustres, françaises et étrangères (Nouvelle édition avec une introduction et des notes) / éd. L.Moland. Paris, 1868. 512 p.
2. Brantom. Galantnye damy. [Gallant ladies] Moscow, 1998. 463 p. (In Russ.).
3. Shishkin V.V. Frantsuzskiy korolevskiy dvor v XVI veke. Istoriya instituta. [French royal court in XVI century. History of the Institution] Saint Petersburg, 2018. 544 p.
4. Novoselov V.R. Duel' vo Frantsii XVI—XVII vekov. [Duel in France in XVI—XVII centuries]. Srednie veka, 2001, iss. 62, pp. 146-165.
5. Boccaccio G. Famous Women. London, 2003. 324 p.
6. Repina L.P. Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina evropeyskogo proshlogo. [Women and men in history: The new picture of the European past]. Moscow, 2002. 352 p.
7. Ryabova T.B. Zhenshchina v istorii zapadnoevropeyskogo srednevekov'ya. [Woman in west European medieval history]. Ivanovo, 1999. 212 p.
8. Togoeva O.I. Zhenshchina u vlasti v Srednie veka i Novoe vremya (O ponyatii “virago”) [Woman and power in middle age and modern time (About the concept “virago”)]. Dialog so vremenem, 2010, no. 31, pp. 16-35.
9. Mozheyko M.A. Zhenshchina glazami srednevekovoy kul'tury: antifeminizm kak fobiya [Woman from the medieval culture point of view: antifeminism as a phobia]. Zhurn. Belorus. gos. un-ta, Sotsiologiya, 2017, no. 2, pp. 128-138.
10. Solnon J.-F. La cour de France. Paris, 1987. 649 p.
11. Etat de la maison de la reine Anne de Bretagne. In: Godefroy D. Histoire de Charles VIII. Paris, 1684. 759 p.
12. Anne de France. Les Enseignements d'Anne de France, duchesse de Bourbonnais et d'Auvergne, à sa fille Susanne de Bourbon. éd. par A.-M. Chazaud. Moulins, 1878. XXXIX, 338 p.
13. Tamalio R. Federico Gonzaga alla Corte di Francesco I, di Francia nel carteggio privato con Mantova, 1515—1517. Paris, 1994. 447 p.
14. Klulas I. Ekaterina Medichi. [Catherina Medici]. Moscow, 1997. 704 p. (In Russ.).
15. Crouzet D. Le haut coeur de Catherine de Médicis. Paris, 2005. 640 p.
16. Chansons du XVe siècle. Paris, 1875. XXIII, 176, 78 p.
17. Du Bellay J. Les Regrets. Paris, 1876. 18, XII, 131 p.
18. Shishkin V.V. Korolevskiy dvor i politicheskaya bor'ba vo Frantsii v XVI—XVII vekakh [Royal court and political struggle in France in XVI—XVII centuries]. Saint Petersburg, 2004. 285 p.
19. Istoriya zhenshchin na Zapade [The history of women in the West], vol. III. Saint Petersburg, 2009. 560 p.

Bystrova V.S. The image of a “gallant lady” as it depicted by Pierre de Bourdeille, Abbé de Brantôme. The article analyzes the works of Pierre de Bourdeille, Abbé de Brantôme, a French author and courtier of the 16th century, reconstructs the “mental state” of French noble society in the second half of the 16th century, using the image of a “gallant lady” as an example. Also, the origin of the term “gallantry” is briefly analyzed. Brantôme's ethical views on noble women and the author's personal perception of the socio-political nature of royal court life are described. The author emphasizes the social status of women in the Renaissance, when the process of feminization of the royal court began in France. Noble ladies received more privileges and an opportunity to take part in the political life of the kingdom. It is noted that under the influence of Neoplatonism, a new mindset and the phenomenon of gallant love appeared, which has spread among the courtiers.

Keywords: history of women, gender studies, French royal court, France of the 16th century, Pierre Brantôme, gallant ladies.

Сведения об авторе. Владислава Сергеевна Быстрова — сотрудник Санкт-Петербургского государственного института культуры; ORCID: 0000-0003-2931-3345; vladast@list.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2022. Принята к публикации 01.03.2022.

Ссылка на эту статью: Быстрова В.С. Образ «галантной дамы» в изображении Пьера де Бурдея, аббата де Брантома // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2(41). С. 142-146. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).142-146

For citation: Bystrova V.S. The image of a “gallant lady” as it depicted by Pierre de Bourdeille, Abbé de Brantôme. *Memoirs of NovSU*, 2022, no. 2(41), pp. 142-146. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).142-146